

Он закрыл глаза, прислушиваясь к едва уловимым звукам ветра, и почувствовал, что всё, что произошло сегодня вечером, было похоже на абсурдный сон. Возможно, когда он проснётся завтра, он снова окажется в той тесной и мрачной комнате отдыха, где ему придётся, преодолевая усталость, надеть дешёвое и вызывающее платье, чтобы кокетничать перед группой Альф, пытаясь выпросить больше денег.

Холод ночи проникал через тонкий шёлк ципао, обнажавший его кожу, но он был слишком измотан, чтобы даже пошевелить пальцем. Повернувшись лицом к щели в диване, чтобы избежать яркого света, он незаметно погрузился в глубокий сон.

Он чётко осознавал, что попал в сон.

Потому что, кроме этого момента, у него больше не было возможности вернуться в прошлое, пусть даже ненадолго.

Возможно, из-за сильных эмоций, вызванных сегодняшней встречей с Чэн Цзыянем, его сон перенёс его в те далёкие времена, когда он впервые встретил его в приюте.

Он уже привык тихо сидеть в тени, ощущая одиночество, и давно научился не беспокоить других, не предпринимать бесполезных попыток влиться в уже сформировавшиеся группы. Поэтому каждый раз, когда студенты приезжали в приют для выполнения практических заданий, он всегда был готов к тому, что его проигнорируют.

Шестилетние воспоминания трудно сохранить, но образ высокого и стройного юного Альфы, идущего навстречу свету с улыбкой, был ясен как никогда. Его лёгкий аромат эбенового дерева, едва уловимый, обвил его, укоренившись в его сердце, и с тех пор стал незабываемым.

Сейчас Чэн Цзыянь казался совсем другим, чем в воспоминаниях. Взрослый Альфа, с открытым и мужественным лицом, излучал уверенность и спокойствие, но в нём всё ещё было что-то, что оставалось неизменным. Например, та же искренняя юношеская энергия, которая всё ещё жила в его сердце, или его феромоны, которые всегда были такими же мягкими и заботливыми.

Он был как луч света, приносящий тепло и свет всем вокруг, но для Кэ Чи, который слишком долго находился в холоде и тьме, это было слишком ярко.

Он прекрасно понимал, что сейчас у него даже нет права стоять рядом с Чэн Цзыянем и вспоминать детство. Они были из разных миров.

Судьба слишком жестоко пошутила, преодолев тысячи пропастей, чтобы связать их тонкой, почти рвущейся нитью.

Но когда сон рассеялся, он снова окажется брошенным в бесконечную тьму морских глубин.

— Почему ты спишь здесь? — голос Альфы раздался рядом, вырвав Кэ Чи из сна. Он резко открыл глаза, встретив взгляд Чэн Цзыяня, который смотрел на него с нахмуренным лбом.

Его макияж уже размазался, делая его лицо грязным, но это не делало его непривлекательным. Наоборот, растерянное выражение придавало его слишком красивым и соблазнительным чертам некую трогательную невинность и уязвимость.

Такое зрелище развеяло досаду в сердце Чэн Цзыяня, оставив лишь чувство невыразимой беспомощности. Он протянул руку, чтобы Кэ Чи мог опереться на неё и сесть.

Проведя всю ночь на диване, Кэ Чи почувствовал онемение в ногах из-за плохого кровообращения и невольно вздрогнул от холода. Прежде чем он успел что-то понять, перед ним стало темно — Чэн Цзыянь снял свой пиджак и накинул его на него. Пиджак сохранял тепло и запах Альфы, лёгкий аромат эбенового дерева давал ощущение спокойствия.

Кэ Чи моргнул, медленно отпустил руку, и его пальцы невольно скользнули по руке Чэн Цзыяня к запястью. Но в его подсознании всё ещё чётко сохранялась мысль о его роли «содержанки», и он, сохраняя растерянное выражение, тихо спросил:

— Хотите сделать это?

Чэн Цзыянь на мгновение замер, затем не смог сдержать смешка. Он провёл большим пальцем по уголку глаза Кэ Чи, стирая размазавшуюся красную тушь:

— Что делать? Иди умываться, потом отвезу тебя в бар «Цзуйсэ» за твоими вещами.

Кэ Чи рассеянно позволил ему это сделать, затем ещё немного посидел, прежде чем осознал ситуацию. Он торопливо поджал губы и направился в ванную.

Вчера, когда он последовал за Чэн Цзыянем, он не взял с собой ничего, кроме папки, которую дала ему Тань Ю. Ципао явно не подходило для дневного выхода, поэтому Чэн Цзыянь по пути купил комплект одежды, который оставил у двери ванной. Затем, через дверь, сообщил об этом и вернулся в гостиную, чтобы разложить привезённый завтрак на столе.

Штаны были немного длинными, но стройные ноги Кэ Чи позволяли закатать их до щиколоток, и это смотрелось нормально. Свитшот был слегка великоват, но это была простая серая толстовка, которая не выглядела странно. А благодаря его молодому лицу он скорее напоминал студента.

Когда Кэ Чи вышел, Чэн Цзыянь невольно задержал на нём взгляд. Это была совсем другая картина, чем при их первой встрече в баре «Цзуйсэ», где он был одет в вызывающий костюм с сексуальным подтекстом. Но Чэн Цзыяню определённо больше нравился он в таком естественном и свежем виде.

Кэ Чи сложил снятую одежду в бумажный пакет, немного подумал и аккуратно поставил его на пол рядом с диваном.

Чэн Цзыянь отодвинул стул ближе к Кэ Чи, подождал, пока тот сядет, а затем сел рядом. Он бросил взгляд на пакет:

— Выбрось это. Тебе не нужно носить такое, чтобы угождать мне.

— Хорошо, — опустив глаза, Кэ Чи ответил. Растерянность и невинность, которые были на его лице после пробуждения, исчезли, оставив лишь покорность и смирение. — Спасибо вам.

Его отношение было тем, что нравится всем Альфам — безусловное подчинение. Но Чэн Цзыянь, глядя на него, чувствовал лишь непонятную тяжесть, которая снова разжигала в нём раздражение.

— Сначала поешь, — не сказав больше ничего, Чэн Цзыянь наблюдал, как Кэ Чи заканчивает завтрак, а затем поднялся и повёл его вниз в гараж, чтобы отвезти в бар «Цзуйсэ».

Кэ Чи чутко уловил его плохое настроение, в душе пытаясь понять причину, но не осмелился

подтвердить свои догадки. Он молчал всю дорогу до бара, стараясь дышать как можно тише, чтобы не беспокоить Чэн Цзыяня.

Когда Тань Ю открыла дверь, она зевнула, взглянула на них и, не здороваясь, пошла обратно в свою комнату, волоча тапочки. Обычно она всегда улыбалась Кэ Чи и болтала с ним о пустяках, но на этот раз она даже не захотела сказать ему ни слова, словно они никогда не были знакомы, и он не был её подопечным.

Кэ Чи смотрел на её исчезающую в тёмном коридоре фигуру и вдруг почувствовал, что это было её проявлением доброты — позволить ему уйти отсюда чистым и без связей.

В маленькой комнате отдыха было не так много вещей, и всё, что нужно было взять, помещалось в один чемодан.

Кэ Чи посмотрел на ряд косметических средств без этикеток на полке и заколебался, но тут услышал голос Чэн Цзыяня:

— Не оставляй это. Если тебе нравится, купим что-то новое.

Кэ Чи, конечно, не любил эту косметику, но Альфам нравился он с ней.

Он слегка кивнул, соглашаясь, считая, что Чэн Цзыянь просто не может терпеть такие дешёвые и низкокачественные продукты, так же как и его самого, такого же дешёвого и низкокачественного, который однажды будет отвергнут.

Одежду, которую он обычно носил в баре «Цзуйсэ» для выступлений, он тоже не взял, оставив только деревянный ящик, который он аккуратно спрятал под кроватью.

Когда он наклонился, чтобы вытащить ящик из-под кровати, сердце его тревожно забилося. Он невольно посмотрел на Чэн Цзыяня, но Альфа смотрел в телефон, занимаясь рабочими делами, и не заметил его.

Кэ Чи аккуратно положил ящик в чемодан, сверху разместил повседневную одежду и, наконец, с облегчением вздохнул, закрыл чемодан и поднялся.

— Всё собрал? — Чэн Цзыянь стоял у двери и спросил его, когда тот подошёл с чемоданом.

— Да, — кивнул Кэ Чи.

Чэн Цзыянь слегка кивнул, наклонился, взял чемодан из его рук и первым шагнул за дверь. Кэ Чи растерялся, но поспешил за ним.

Чемодан положили в багажник, и Чэн Цзыянь не сразу повёз Кэ Чи обратно в квартиру, а отправился в ближайший торговый центр, чтобы купить ему одежду.

Это было место, куда Кэ Чи редко заходил. Он тихо шёл рядом с Чэн Цзыянем, и, куда бы тот его ни вёл, он не пытался сам выбрать что-то или даже взглянуть на витрины. В итоге Чэн Цзыяню пришлось самому выбирать несколько комплектов одежды по своему вкусу и настаивать, чтобы Кэ Чи их примерил.